

Я родилась, как мне о том сказывали родные, во Франции, в городе Пуатье, в провинции, или, по-нашему, — графстве Пуату. В 1683 году или около того родители привезли меня в Англию, ибо, подобно многим другим протестантам, они были вынуждены бежать из Франции, где подвергались жестоким преследованиям за свою веру.

Не очень понимая, а вернее, совсем не понимая причин нашего переезда, я была весьма довольна своим новым местожительством. Большой веселый город, Лондон пришелся мне по вкусу. Я была еще дитя, и многолюдие меня тешило, а нарядная толпа восхищала.

Из Франции я не вынесла ничего, кроме языка этой страны. Отец мой и мать принадлежали к более высокому кругу, нежели те, кого принято было в ту пору называть *беженцами*: они покинули Францию одними из первых, когда еще можно было спасти свое состояние; отец мой умудрился загодя переправить сюда то ли крупную сумму денег, то ли, помнится, большую партию каких-то товаров — французского коньяку, бумаги и еще чего-то; все это ему удалось продать с большой выгодой, так что к нашему приезду в его распоряжении был немалый капитал и ему не пришлось обращаться за помощью к своим поселившимся здесь ранее соотечественникам. Напротив, наш дом постоянно осаждали голодные толпы жалких беженцев, покинувших свою страну — кто в силу убеждений, кто по другим каким причинам.

Помню, как отец мой говорил, что среди множества одолевавших его людей были и такие, кого мало заботили вопросы вероисповедания и кому на родине не грозило ничего, кроме голода. Наслышанные о радушии, с каким в Англии

привечают иностранцев, о том, как легко здесь найти работу, как, благодаря доброй попечительности лондонцев, приезжих всячески поощряют поступать на мануфактуры — в Лондоне и его окрестностях, в Спитлфилдсе, Кентербери и других местах, — и еще о том, насколько лучше заработки здесь, нежели во Франции и прочих странах, они прибывали целыми полчищами в поисках того, что именуется средствами к существованию.

Как я уже говорила, отец мой сказывал, что среди домогавшихся его помощи было больше людей этого рода, нежели истинных изгнанников, коих совесть, к великой их печали, понуждала покидать отчизну.

Мне было около десяти лет, когда меня привезли сюда, где, как я уже говорила, мы жили, не ведая нужды, и где — спустя одиннадцать лет по переезде нашем — отец мой умер. За этот срок, поскольку я предуготовляла себя для светской жизни, я успела, как это принято в Лондоне, познакомиться кое с кем из соседей. Я подружилась с двумя-тремя ровесницами и сохранила их дружеское расположение и в более поздние годы, что немало благоприятствовало моим дальнейшим успехам в свете.

Училась я в английских школах и, будучи в юных летах, без труда и в совершенстве усвоила английский язык, а также и все обычаи, коих придерживались английские девушки. Так что от французского во мне не оставалось ничего, кроме языка; разговор мой, впрочем, не изобиловал французскими оборотами, как то случается у иностранцев, и я не хуже любой англичанки говорила на самом, можно сказать, натуральном английском языке.

Поскольку мне приходится себя рекомендовать самой, я надеюсь, что мне позволительно говорить о себе с полным, насколько это возможно, беспристрастием, как если бы речь шла о постороннем мне лице. Лышу ли я себе или нет, судите по моему рассказу.

Итак, я была (достигнув четырнадцати лет) девицей рослой и статной, во всем, что касалось житейских дел, смысленной, за словом, как говорится, в карман не лезла и острой — что твой ястреб; немного насмешлива и скоро на язык, или, как говорят у нас в Англии, развязна; однако в поступках

своих не позволяла себе выходить за рамки приличия. Будучи по крови француженкой, я танцевала, как природная танцовщица, и танцы любила до страсти; голосом тоже обижена не была и пела — да так хорошо, что (как вы увидите из дальнейшего) это умение сослужило мне немалую службу. Короче, у меня не было недостатка ни в красоте, ни в уме, ни в деньгах, и я вступала в жизнь со всеми преимуществами, обладая которыми молодая девица может рассчитывать на всеобщее расположение и счастливую жизнь.

Когда мне минуло пятнадцать, отец, положив мне в приданое 25 000 ливров (он привык считать на французские деньги), по-нашему же — две тысячи фунтов, выдал меня за крупного лондонского пивовара. Прошу прощения за то, что не раскрываю его имени, ибо, хоть он и был главным виновником моей гибели, я все же не могу отважиться на столь жестокую месть.

С этим-то существом, именуемым мужем, я прожила восемь лет в полном достатке; какое-то время я даже держала собственный выезд, вернее, подобие его, ибо в будние дни лошади запрягались в телегу, а по воскресеньям я могла ездить в своей карете в церковь или еще куда — с согласия мужа. Впрочем, согласия-то как раз между нами почти не бывало. Но об этом после.

Прежде чем приступить к описанию той эпохи моей жизни, что я провела в законном браке, позвольте мне дать столь же беспристрастный отчет о характере моего мужа. Это был славный малый, красавец и весельчак, словом, дружок, о каком всякая женщина, казалось бы, может только мечтать: хорошего сложения, рослый, пожалуй, даже немного чересчур — впрочем, не настолько, чтобы казаться неуклюжим, и прелестный танцор. Последнее обстоятельство, должно быть, и послужило главным поводом к нашему сближению. Делами пивоварни прилежно и старательно занимался его отец, так что собственные его обязанности сводились к тому, чтобы время от времени наведываться в контору. Не будучи обременен заботами, он не утруждал себя ничем, а ходил по гостям, бражничал с приятелями да предавался своему любимому занятию — охоте.

Красивый мужчина и превосходный охотник — вот вам и весь его портрет! Я же, подобно многим молодым девицам, выбрав себе спутника жизни за красивую наружность и веселый нрав, оказалась несчастна, ибо во всех остальных отношениях это был самый пустой, самый никчемный и необразованный мужчина, с каким когда-либо женщине доводилось связать свою судьбу.

Здесь я должна сделать небольшое отступление и — как бы я ни осуждала себя за дальнейшее — позволю себе обратиться к моим молодым соотечественницам со следующим предостережением: сударыни, если вам сколько-нибудь дорого ваше благополучие, если вы рассчитываете на счастливое супружество, если надеетесь сохранить — а в случае беды восстановить ваше достоинство, — не выходите замуж за дурака. За кого угодно — только не за дурака! Конечно, никто не может поручиться, что вы будете счастливы в браке, за кого бы вы ни вышли, но что вы будете несчастливы, если вступите в брак с дураком, это уже наверно. Да, с умным человеком можно оказаться несчастливой, но быть счастливой с дураком — никогда! Он не в состоянии, даже если бы захотел, оградить вас от нужды и лишений; что он ни делает — все невпопад, что ни скажет — некстати. Всякая мало-мальски благоразумная женщина двадцать раз на дню почувствует, как он несносен. В самом деле, что может быть хуже, чем краснеть всякий раз, как этот пригожий, статный малый откроет рот на людях? Слышать, как другие мужчины высказывают разумные суждения, в то время как твой муж сидит словно воды в рот набрал? Но и это еще полбеды — а каково слышать дружный смех окружающих, если он вдруг пустится в разглагольствования?

К тому же разновидностей дураков на свете столь великое множество, разнообразие этой породы столь безгранично и невообразимо, и определить, какой вид ее наименее худший, так трудно, что я вынуждена сказать: никаких дураков нам не надобно, сударыни, ни бесшабашного дурака, ни степенного болвана, ни благоразумного, ни безрассудного! Нет, всякая судьба предпочтительнее, чем участь женщины, которой в мужья попался дурак, — лучше провековать в девицах, нежели связать свою судьбу с дураком!

Со временем нам придется вернуться к этому предмету, покуда же его оставим. Моя беда была тем горше, что человек, который мне достался, совмещал в своем лице несколько разновидностей дурака одновременно.

Он был, во-первых, — и это совсем нестерпимо — дураком самодовольным, *tout opiniâtre**; в каком бы обществе он ни находился, какое бы суждение при нем ни высказывалось — пусть самым скромным, непритязательным тоном, — мой молодчик должен непременно выскочить со своим мнением; и уж, разумеется, оно было единственное правильное и дельное! Когда же доходило до обоснования своего суждения, он нес такую околесицу, что всем становилось неловко.

Во-вторых, он был упрям и негибким; чем глупее и несообразнее мысль, которую он выскажет, тем упорнее он ее отстаивает. Это делало его совершенно невозможным.

Названных двух свойств, даже если бы у него не было других, оказалось бы довольно, чтобы сделать его несноснейшим из мужей, так что всякому, я думаю, очевидно, каково мне было с ним жить. Впрочем, я не падала духом и больше отмалчивалась — это был единственный способ его одолеть. Какой бы вздор он ни нес, о чем бы ни заводил речь, я не отвечала и не спорила с ним, и тогда он приходил в невообразимую ярость и выбегал из комнаты. А мне только того и надо было.

Перечень всех уловок, к которым мне приходилось прибегать, чтобы сделать существование с этим невозможным человеком сколько-нибудь сносным, отнял бы слишком много времени, а примеры показались бы слишком ничтожными. Упомяну лишь некоторые из них и в тех местах моего повествования, где описываемые события этого потребуют.

Примерно на пятом году моего замужества умер отец — матушку же я схоронила много прежде. Отец был так недоволен моим браком, поведение моего мужа так его огорчало, что хоть он и отказал мне в завещании больше 5000 ливров, однако сумму эту повелел вручить моему старшему брату, с тем чтобы тот сберег ее для меня. Брат же, пустившись в чересчур рискованные торговые спекуляции, в конце концов обанкро-

* Страшно упрямым (*фр.*).

тился, из-за чего потерял не только свои собственные деньги, но также и мои. Но об этом речь впереди.

Таким образом я лишилась всего, что мне причиталось от отцовских щедрот, — и это по той простой причине, что вышла замуж за человека, которому отец мой не решился довериться. Вот достойная награда женщине, связавшей свою судьбу с дураком!

Два года спустя после смерти моего отца умер также и мой свекор, оставив, как мне в то время казалось, изрядное приращение к нашим капиталам, ибо с его смертью все доходы от пивоварни — а дела ее процветали — перешли к мужу.

Однако это увеличение наших доходов и послужило к его погибели, ибо деловая жилка отсутствовала у него начисто и он был совершенным невеждой по счетной части. Поначалу, правда, он суетился в конторе, желая показать себя деловым человеком, но вскорости опять все запустил. Проверять счета он почитал ниже своего достоинства, целиком доверялся конторщикам и счетоводам. Покуда у него были наличные, чтобы рассчитываться с поставщиками солода и со сборщиком налогов, да водились в кармане денюжки, он и в ус не дул; как получится, так и ладно!

Предвидя, чем все это кончится, я несколько раз принималась его урезонивать, побуждая прилежнее вникнуть в дела. Я говорила ему и о многочисленных жалобах клиентов на его служащих, и о том, что из-за недобросовестности его управляющего он из кредитора превратился в должника, но на мои увещевания он отвечал либо грубостью, либо враньем, представляя мне положение дел в ином свете, нежели то, в каком они находились в действительности.

Словом, чтобы покончить с этой скучной историей, которая и длилась-то совсем недолго, он вскоре обнаружил, что торговля его хиреет, капитал тает и что, короче говоря, он не в состоянии вести дело дальше. Раза два ему даже пришлось за неимением наличных денег отдать весь инструмент пивоварни в счет налога, а последний раз, когда это случилось, он с превеликим трудом его выкупил.

Перепугавшись не на шутку, муж мой решил отказаться от дела, о чем, по правде сказать, я не очень-то сокрушалась, понимая, что, если он не передаст его в другие руки по своей

воле, он будет к тому вынужден обстоятельствами, иначе говоря, обанкротится. К тому же я хотела, чтобы он избавился от пивоварни, покуда у него оставалась еще какая-то доля капитала и меня не раздели до нитки и не выгнали на улицу с детьми — а надо сказать, что к этому времени супруг мой подарил мне целых пять душ — единственное дело, к какому пригодны дураки!

Итак, когда ему удалось сбыть кому-то свою пивоварню, я почувствовала великое облегчение. После того как он выплатил все свои долги до единого, для чего ему пришлось выложить изрядную сумму, он остался при двух или трех тысячах фунтов. Нам пришлось расстаться также и с нашим домом подле пивоварни, и мы переехали в ***, небольшое селение, отстоящее примерно на две мили от городской черты. Принимая в соображение все эти обстоятельства, я почитала за счастье, что нам удалось так легко отделаться, и, обладай мой красавец хоть крупницей здравого смысла, я бы и до сей поры не знала, что такое нужда.

На оставшийся капитал или на часть его я предлагала купить дом: для такой покупки я была готова присоединить свои деньги, в ту пору еще нетронутые; кстати сказать, если бы муж послушал тогда моего совета, я бы, вероятно, и вообще-то их не лишилась и мы могли бы жить безбедно — во всяком случае, до конца его жизни. Но дурак на то и дурак, что не слушает разумных советов; не слушал и он моего и, не ударяя пальцем о палец, продолжал свое беспечное житье: по-прежнему держал множество слуг и лошадей и каждый день выезжал на охоту. Деньги меж тем таяли с часу на час, и перед моими глазами явственно встала картина нашего окончательного разорения, предотвратить которое я не имела способа.

Сколько я ни уговаривала мужа, сколько ни умоляла его переменитьсь — все напрасно. Я говорила ему, как быстро убывают наши деньги, в каком жалком положении мы окажемся, когда они кончатся совсем, но на него мои слова не производили никакого впечатления; словно одержимый, он продолжал свое, не обращая внимания на мои слезы и сетования и ни на грош не сокращая издержек на свои наряды, выезды, лакеев и лошадей, и так до самого конца, пока в один

прекрасный день не обнаружил, что все его состояние равняется ста фунтам.

За какие-нибудь три года он умудрился промотать все свои деньги, причем и мотал-то он их, можно сказать, бессмысленно, в компании самых ничтожных людей, охотников да лошадиников, которые стояли много ниже его по положению. Ну да это еще одно неперенное свойство дурака. Дурак никогда не ищет общества человека умнее или способнее себя: нет, он знается с негодяями, пьет солод с грузчиками, словом, водит компанию с самым подлым людом.

Однажды утром в эту несчастную пору муж мне вдруг объявил, что понял, до какого он дошел ничтожества, и что решил отправиться искать счастья куда глаза глядят. Такое, впрочем, он говорил и раньше, и не один раз, в ответ на мои уговоры образумиться, покуда не поздно, и подумать о положении, в каком находится и сам он, и его семья. И я уже не обращала внимания на эти его слова, считая, что они, как и все, что он говорит, не значат ровным счетом ничего. Иной раз, когда он заводил такой разговор, я, грешным делом, даже думала про себя: «Вот и хорошо, и поезжай с богом, а то ты нас всех с голоду уморишь».

И в самом деле, объявивши о своем уходе, он весь тот день оставался дома, да и ночевал дома тоже. Но на следующее утро он вскочил ни свет ни заря и, как всегда, когда созывал людей на охоту, стал дуть в валторну (так он именовал свой охотничий рожок).

Это был конец августа, когда еще светает довольно рано, часу в пятом. В этот-то час я и услышала, как он вышел со двора вместе с двумя слугами и затворил за собой ворота. Он ничего не сказал мне такого, чего бы не говорил обычно, отправляясь на охоту; я даже не встала с постели и тоже ничего особенного ему не сказала; когда он отъехал, я вновь уснула и поспала еще часа два.

Читатель, верно, удивится, когда я ему объявлю, что с той самой поры я ни разу больше не видела моего мужа. Мало того, я не получила от него ни одной весточки и ни о нем, ни о его двух слугах, ни даже о лошадях их так больше ничего и не слышала; мне не удалось узнать ни что с ними случилось, ни куда или хотя бы в какую сторону они отправились,

что делали или что намеревались делать, — они словно сквозь землю провалились. Впрочем, впоследствии кое-что обнаружилось.

Первые двое суток его отсутствие меня ничуть не удивляло, да и первые две недели тоже я не очень беспокоилась; если бы с ними приключилась какая беда, говорила я себе, я бы о том узнала незамедлительно; а взяв в соображение еще и то, что при муже находилось двое слуг и три лошади, допустить, что все они — и люди, и животные — пропали без вести, было и в самом деле слишком уж невероятно.

Можете, однако, вообразить мою тревогу, когда прошла неделя, другая, месяц, два месяца и так далее, а о муже — ни слуху ни духу! Я крепко задумалась о своей дальнейшей жизни: пятеро детей и — ни гроша денег на их пропитание, если не считать тех семидесяти фунтов наличными, какие у меня еще оставались, да кое-каких ценных вещей; правда, продав их, я могла бы выручить немалую сумму, но и ее не хватило бы на сколько-нибудь продолжительный срок.

Я не знала, что делать, к кому обратиться за советом и помощью; оставаться в доме, в котором мы жили, было невозможно — очень уж высока была плата, покинуть же его, не имея на то распоряжения от мужа, который мог вдруг вернуться, я тоже не решалась. Я была в полном смятении и совсем упала духом.

В таком-то унынии прошел почти год. У мужа были две сестры, обе семейные, жившие в полном достатке; были у него и другие родственники. Полагая, что они не захотят оставить меня в беде, я часто посылала к ним узнать, нет ли у них каких вестей о моем бродяге. Однако все они дружно отвечали, что ничего о нем не знают. Я им, видно, сильно надоела своими приставаниями, что они мне и давали понять, раз от разу все более нелюбезно встречая служанку, которую я к ним посылала.

От такой обиды на душе у меня делалось еще горше; моим единственным прибежищем были слезы, ибо не было у меня ни одного близкого человека. Я забыла сказать, что месяцев за шесть или за семь до того, как меня бросил муж, над моим братом разразилась та самая беда, о которой я упоминала ранее, а именно — он обанкротился, попал за долги в тюрьму

и — что хуже, — как я о том узнала с великим сокрушением, ему предстояло после того, как он достигнет согласия со своими кредиторами, выйти из нее чуть ли не нищим.

Недаром говорят, что беда одна не приходит. Вот и со мной так случилось: муж меня бросил вскоре после того, как единственный из оставшихся в живых моих родственников обанкротился и, следовательно, не мог служить мне опорой. Итак, потеряв мужа и оставшись с пятью малыми детьми на руках без каких бы то ни было средств к их пропитанию, я очутилась в положении столь ужасающем, что никакими словами нельзя описать.

У меня еще оставались — а принимая во внимание обстоятельства, в каких мы жили прежде, иначе и быть не могло, — кое-какая серебряная утварь и драгоценности. Муж мой удрал прежде, чем мы вконец обнищали, так что ему не пришлось, как обычно поступают в подобных обстоятельствах мужья, еще и ограбить меня напоследок. Но в те долгие месяцы, когда я еще рассчитывала, что он вернется, я потратила всю нашу наличность, и вскоре мне пришлось продавать одну вещь за другой. То немногое, что обладало подлинной ценностью, таяло со дня на день, и перед моим мысленным взором открылась картина мрачного отчаяния: вскоре, говорила я себе, мне придется быть свидетельницей голодной смерти моих малюток. Предоставляю судить о моем душевном состоянии женщинам, обремененным большим семейством и привычками, подобно мне, жить в довольстве и на широкую ногу. Что до моего мужа, я уже потеряла всякую надежду когда-нибудь его увидеть, да хоть бы он и вернулся, разве он в силах был мне помочь? Ведь он и шиллинга бы не заработал, чтобы облегчить нашу нужду; для этого у него не было ни умения, ни хотения. С его куриным почерком он даже в писари не годился; да что почерк — он и читать-то толком не умел! — в правописании же смыслил столько, что двух слов не мог написать без ошибки. Безделье было его величайшей усладой, он мог полчаса сряду стоять, прислонившись к столбу, и — подобно драйденовскому крестьянину, что насвистывал затем, что ум его не был обременен ни единой мыслью, — беспечно попыхивать своей трубкой. И это тогда, когда остатки нашего состояния уже заметно таяли, когда семью уже подстерегал